

ТАИНСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

АННА КНЯЗЕВА

**В СЕНТЯБРЕ ВОДА
ХОЛОДНАЯ**



Анна Князева

В сентябре вода холодная

Серия «Анна Стерхова.

Расследование архивных дел», книга 3

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67170370*

*В сентябре вода холодная. Роман: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-04-165344-6*

Аннотация

Анна Стерхова собиралась в отпуск. И ничего, что море еще холодное – зато она наконец встретится со своим любимым Николаем... Но отпуск пришлось отложить ради срочной командировки: полковник Савельев направил ее в небольшой городок Урутин для расследования одного старого дела. Оно носит личный характер – двадцать лет назад там погиб его брат Виктор при странных обстоятельствах. Он ехал на машине с женой и дочкой, не справился с управлением на мосту, пробил ограждение и упал в реку. Все погибли, но тела женщины и девочки не нашли, решив, что их унесло течением. И вот недавно недалеко от того места были обнаружены женские останки, и появился повод вновь открыть дело...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	64
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анна Князева

В сентябре вода холодная

Роман

*Все персонажи и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Князева А., 2022

Пролог

Город Энск

2001 год

По аллее кладбища в сторону выхода шла старуха, одетая в серый дождевик и серую шляпу. В руках она держала ведро с садовыми граблями и канистру из-под воды.

Перебирая глазами памятники, старуха заметила трехлетнюю девочку, сидевшую на скамье вблизи старинного склепа. Она замедлила шаг, пошарила глазами, но больше ничего не увидела.

– Ты почему одна?

– Мама велела ждать ее здесь, – ответила девочка.

– Она где-то рядом?

Девочка повторила:

– Мама велела ждать ее здесь.

Старуха покачала головой и нерешительно огляделась, переступила с ноги на ногу, снова покачала головой и захромала дальше.

Обняв плюшевого медвежонка, девочка посмотрела вверх, там ветерок перебирал промокшие листья и стряхивал остатки дождя. Сквозь кроны деревьев едва проглядывало бледное осеннее небо.

Прошло больше часа. Девочка все так же сидела на ска-

мейке у склепа, когда ее окликнул рабочий в кладбищенской спецовке:

– Ты что здесь делаешь?

Девочка повторила все ту же фразу:

– Мама велела ждать ее здесь.

– А где твоя мама? – Рабочий огляделся. – Кладбище уже закрывается.

– Мама велела ждать ее здесь, – твердо сказала девочка.

Рабочий потоптался на месте и вскоре ушел.

Часа через два стемнело и сильно похолодало, но девочка продолжала ждать на скамейке. Наконец в темноте между могильными памятниками засветлел женский силуэт.

Приблизившись к склепу, женщина протянула руку:

– Идем...

Девочка подняла глаза, прижала к себе медвежонка и с испугом спросила:

– А где моя мама?

Глава 1

Личная просьба

– Ну кто там еще? – Полковник Савельев поднял глаза, увидел Стерхову и разрешил: – Заходи!

Она вошла в кабинет и закрыла дверь.

– Вызывали?

– Да.

– Заявление подпишите.

Савельев забрал у нее документ и, не читая, спросил:

– В отпуск?

– Согласно утвержденному графику.

– Куда собралась?

– На Черноморское побережье.

– Апрель, вроде рано...

– Не люблю, когда на пляже много народа.

– В апреле там еще не купаются. – Савельев выдвинул ящик и швырнул в него заявление.

Проследив за ним взглядом, Анна удивленно спросила:

– Юрий Алексеевич, что вы делаете?

– Садись, есть разговор.

Она села, и Савельев, не поднимая глаз, продолжил:

– У меня к тебе дело.

– Ясно. – Стерхова обреченно кивнула. – Отпуск отменя-

ется.

– Давай формулировать иначе: он переносится. Поедешь на море в мае, а еще лучше – летом.

– Но я собиралась закончить книгу. Два месяца не могу дописать.

– Ты прежде всего следователь и только потом – писатель.

– Не люблю это слово, оно ко многому обязывает. Автор детективных романов звучит скромнее, – проговорила она и спросила: – Что-нибудь случилось?

Полковник виновато кивнул:

– Сегодня едешь в Урутин.

– Впервые о нем слышу, – сказала Анна.

– Военный город с оборонными производствами. С недавнего времени сильно расстроился. И, кстати, Урутин – моя родина.

– Я этого не знала.

– Откуда тебе знать... – Немного помолчав, Савельев продолжил: – Разумеется, ты можешь отказаться, и я подпишу заявление.

Помедлив секунду, Анна решила его выслушать.

– Сначала объясните.

– Считай, что это моя личная просьба. Если не вмешаться, может случиться беда.

Наконец она догадалась:

– С кем-то из ваших родственников?

– Да. – Савельев поднялся с кресла и, сунув руки в кар-

маны, заходил по кабинету: – Многого рассказать не могу. У меня пристрастное видение ситуации. Если вмешаюсь, то вольно или невольно повлияю на ход расследования.

– Понятно. Вам нужна объективность, – кивнула Анна.

– Дело давнее – две тысячи первый год, вполне попадает под нашу юрисдикцию, но доверить его могу только тебе.

– Дайте хотя бы вводную информацию.

– Ну хорошо. – Савельев сел на место, сцепил руки в замок и положил их на стол. – Двадцать лет назад машина моего брата упала с моста в реку. С ним были его жена и дочь.

– Все трое погибли? – спросила Анна.

– Брат потерял сознание и захлебнулся. Жена и дочка выбрались из машины, но в том месте, под мостом, глубоко. Да и вода осенью в Уруте холодная...

– Их нашли?

– Искали, но тела унесло течением. По крайней мере, все так решили.

За последней фразой Савельева крылась какая-то недоговоренность.

Анна осторожно спросила:

– С тех пор что-нибудь изменилось?

– Две недели назад в лесу, недалеко от моста, нашли фрагменты скелета. Останки идентифицировали – оказалось, что они принадлежат жене моего брата.

Услышав это, Анна удивленно вскинула брови:

– Я что-то не понимаю...

– Я тоже, – сказал Савельев. – В следственном отделе Урутина хотят повесить двойное убийство на брата. По принципу – работать неохота, а мертвые сраму не имут. Официальная версия такова: поспорил с женой, застрелил из пистолета ее и дочь, после чего напился и покончил с собой, съехав в реку.

– У меня возникла пара вопросов...

Не дав ей договорить, Савельев посмотрел на часы:

– До поезда – час сорок пять...

– Откуда у вашего брата взялось оружие?

– Он был военным врачом. – Он постучал ногтем по циферблату: – Ты опоздаешь на поезд.

– Хотите сохранить его честное имя?

Полковник помотал головой:

– Нет. Не только... Родители не переживут, если Виктора обвинят в убийстве. Они, слава богу, еще живы.

– Кто едет со мной? – уточнила Анна.

– Доверяю только тебе, – с нажимом повторил Савельев.

Она вздохнула и поднялась со стула.

– Значит, еду одна.

– Командировка уже оформлена, документы у секретаря. Там же контакты моих урутинских родственников. Родителей не тревожь. Если понадобится, лучше поговори с сестрой. – Полковник Савельев встал и протянул Стерховой руку: – Ну, с богом! Я на тебя надеюсь.

Отпуск рухнул в тартарары, и с этим предстояло смириться.

ся. Совсем не таким Анна представляла себе апрель.

Дома, закидывая вещи в дорожную сумку, она поймала себя на мысли, что в разговоре шеф во многом лукавил. Вопреки всему сказанному, Савельеву хотелось конкретного результата, которого она гарантировать не могла. В этом заключалась уязвимость и непредсказуемость ее положения.

На вокзал Стерхова приехала за десять минут до отправления поезда и уже шагала по перрону, когда позвонила мать:

– Во сколько ты вернешься домой?

– Я уезжаю в командировку.

– Куда на это раз?

– Город Урутин.

– Не надоело тебе мотаться? – вздохнула мать.

– Нет, не надоело.

– Живешь, как старый холостяк: белье не поглажено, холодильник пустой.

– Ты сейчас у меня? – догадалась Анна.

– Да вот, заехала. Должны же мы хоть иногда видеться?

Дойдя до вагона, Стерхова поняла, что мать позвонила не просто так.

– Что у тебя стряслось?

Ответ матери был уклончивым и не предполагал дальнейшего разговора:

– Вернешься, поговорим.

– Не увиливай!

– Звонил твой муж.

– Бывший, – коротко уточнила Анна. – Зачем?

– Просил, чтобы я поговорила с тобой.

– А почему он мне не позвонил?

– У тебя невыносимый характер.

– Что ему нужно?

– Иван предлагает тебе работу в своем Управлении и хочет, чтобы я на тебя повлияла.

– У меня уже есть работа, другая мне не нужна. – Анна порылась в сумочке, достала билет и протянула его проводнице. – Ну все, мама, я захожу в вагон. Завтра перезвоню.

– Что передать Ивану?! – поспешно спросила мать.

– В следующий раз пусть звонит мне.

Держа перед собой дорожную сумку, Анна прошагала по коридору, открыла дверь и только тогда сообразила, что это вагон класса «люкс». В купе уже сидела попутчица, эффектная брюнетка, лет сорока с небольшим, со свежим маникюром и выразительным бюстом. На ней красовались шлепанцы с опушкой и кружевная пижама.

Стерхова протолкнула сумку в купе и вошла сама. В ту же секунду вагон тронулся с места.

– Вы до конца? – поинтересовалась попутчица.

– Что, простите? – не расслышала Анна.

– Едете до Энска или сойдете раньше?

– Еду в Энск.

– Хорошо, что ночью не сходите, получится выспаться.

Надеюсь, вы не храпите?

– Этого пообещать не могу.

– Меня зовут Ангелина, – представилась попутчица.

– А меня – Анна, – сказала Стерхова, решив, что лучшего имени для этой фифочки не найти. И, определив ее в категорию богатеньких жен, подумала:

«Надо бы пораньше улечься спать. Такая пристанет с разговорами – потом не отвяжешься».

Она сходила к проводникам и попросила две чашки чая, решив, что, если Ангелина откажется, она сама выпьет обе. Но Ангелина не отказалась и, в свою очередь, угостила ее домашними бутербродами. После этого мнение о ней переменялось в лучшую сторону.

«Милая, домашняя женщина», – растрогалась Анна, потому что сама такой не была.

За чаем попутчицы обсудили хорошую погоду и столичную суету, которую Ангелина категорически не любила, считая себя замшелой провинциалкой. Между делом она ответила на звонок, сообщив мужу, что едет домой.

Ничто не предвещало сюрпризов, но второй звонок, поступивший на телефон попутчицы, привел Анну в замешательство.

Взглянув на экран, Ангелина переменилась в лице и сдержанно ответила:

– Слушаю, Геннадий Михайлович... – Чуть помолчав, она жестко заметила: – Об этом нужно было позаботиться вче-

ра, а не когда жареный петух в задницу клюнул. Весь день я провела в министерстве в компании двух министров и четырех генералов армии. Могла бы решить этот вопрос.

Стерхова притихла. Ангелина тем временем продолжила кого-то отчитывать:

– Я доложила министру, что проектная документация по системе управления зенитно-ракетной бригадой нами утверждена и доработок не требует. Обратного хода нет! – Сверкнув глазами, Ангелина сдавленно проронила: – Приеду – поговорим.

Она отложила трубку и улыбнулась:

– Это по работе. На чем мы остановились?

– На зенитно-ракетных установках, – бездумно ляпнула Анна.

Ангелина ненадолго задумалась и потом кивнула:

– Я поняла, вы пошутили... – Но тем не менее приоткрыла дверь, словно оставляя отходные пути.

– Глупая шутка, простите. – Стерхова достала служебное удостоверение и, раскрыв его, предъявила. – Вам нечего опасаться, я не представляю угрозы.

Попутчица глянула в документ и недоверчиво уточнила:

– Вы подполковник?

– Следователь, заместитель начальника отдела по раскрытию преступлений прошлых лет, – представилась Анна. – Направлена в командировку в Урутин.

– Милый городок, в семнадцати километрах от Энска,

практически пригород, – заметила Ангелина.

– Насколько я понимаю, ваше звание выше?

– Я – генерал-майор. Звание получила вместе с должностью директора Энского радиозавода. До этого работала там же заместителем по финансам.

– Вы меня удивили, – призналась Анна.

С этого момента их разговор оживился, нашлось много общих тем, помимо погоды и московской суеты.

В десять часов вечера к ним заглянула конопатая проводница:

– Чашечки пустые, позвольте... – И, прежде чем уйти, она поинтересовалась у Ангелины: – Устроились хорошо? Здесь вам лучше?

Та сдержанно кивнула:

– Вполне.

Спать улеглись уже за полночь, договорившись, что утром, по приезде в Энск, личный водитель Ангелины ответит Анну в Урутин.

Глава 2

В общих чертах

В каждом городе есть нечто особенное, на что в первую очередь обращаешь внимание. В Урутине это была река, не слишком широкая, но достаточно полноводная. Она разделяла город на две равные части – старую и новую (так объяснил водитель Ангелины Сергей). Старая часть города состояла из невысоких добротных «сталинок». Новая была такой же невыразительной, как и в других провинциальных городах, где существует тяга к многоэтажной застройке. В целом город Урутин не вызвал никаких эмоций, а вот река Урут была хороша.

Урутинский следственный отдел располагался рядом с полицией в типовом двухэтажном здании детского сада. Вопреки сложившейся практике, дежурного офицера при входе не было. По-видимому, в городке, где много военных, никто и мысли не допускал, что кто-то из горожан ворвется в следственный отдел и совершит преступление.

В коридоре Стерхова повстречала сотрудницу в звании капитана юстиции и спросила:

– Где тут у вас приемная?

Женщина окинула Анну пристальным взглядом, словно прикидывая, стоит ли ей отвечать, а потом уточнила:

– Вам зачем?

– Отметить командировочное.

Высокомерие в голосе «капитанши» сменилось на любопытство:

– Документики предъявите.

– Пожалуйста. – Стерхова протянула удостоверение.

Взглянув на него, женщина проронила:

– Следуйте за мной.

Войдя в приемную, она обратилась к секретарше, которая стучала по клавиатуре компьютера:

– Кристина, к нам командировочная.

Девушка отвлеклась и посмотрела на Анну:

– Вы из Москвы? Как ваша фамилия?

– Стерхова.

– В гостиницу заселились?

– Я не знаю, где здесь гостиница, – с явным раздражением ответила Анна. – Давайте сделаем так: сейчас вы представите меня руководству и организуете рабочее место. В гостиницу я заселюсь в конце рабочего дня.

Секретарша отъехала от компьютера в кресле и протянула руку:

– Давайте командировочное.

– Оформляйте, а я загляну к начальнику. – Стерхова отдала документы и направилась к двери кабинета, но когда она взялась за ручку, обе женщины разом вскрикнули:

– Демина нет!

Она замерла и, обернувшись, спросила:

– Когда он будет?

– Пока неизвестно, – ответила секретарша. – Валерий Иванович на излечении в госпитале.

– Что-нибудь серьезное? – нахмурилась Анна.

– Реабилитация после травмы.

– Кто его замещает?

– Олег Петрович Домрацкий, – опередив Кристину, встала капитанша.

– Он где сейчас?

– В своем кабинете.

– Ведите меня туда!

Стерхова двинулась к выходу, однако никуда идти не пришлось – дверь отворилась, и в приемной появился рослый светловолосый майор.

– Здравствуйте! – Он весело оглядел присутствующих и остановил взгляд на Стерховой: – Вы ко мне?

– Если вы Домрацкий, то к вам.

– Олег Петрович, – старательно зачастила Кристина. – Это – Стерхова, командировочная из Москвы.

Домрацкий широко распахнул дверь кабинета и пригласил ее:

– Заходите! – Потом, пропустив Анну, приказал капитанше: – Ирина Ивановна, вы тоже.

Войдя в кабинет, Домрацкий не сел в кресло начальника, а устроился рядом со Стерховой за столом совещаний.

– Мы знали, что вы приедете.

– Неудивительно, – спокойно ответила Анна. – Вам должны были сообщить.

– Будете заниматься делом Савельевых?

Услышав это, Стерхова и бровью не повела, только заметила:

– Об этом вряд ли написали из канцелярии.

– Вы правы, – согласился Домрацкий.

– Откуда такие сведения?

– Не первый день на свете живем, дорогая Анна Сергеевна. Когда идентифицировали останки Савельевой, начальник отдела Демин так и сказал: «Ждем гостей из Москвы».

– Считайте, что дождались, – так же прямо сказала Анна.

Домрацкий вел себя естественно, не заискивая и не стараясь понравиться, однако в его наружности и манерах была какая-то притягательность, располагавшая к нему людей, особенно женщин.

– Знакомьтесь. – Майор указал на капитаншу: – Следователь Шкарбун расследует дело Савельевых. Насколько я понимаю, теперь ведущая роль перейдет к вам, но помощь лишней не будет.

– Значит ли это, что Шкарбун переходит в мое распоряжение?

Чуть подумав, Домрацкий выразил мысль яснее:

– Помимо выполнения своей непосредственной работы она также будет помогать вам.

– Тогда попрошу распорядиться относительно кабинета, – сказала Стерхова.

– А чем не подходит кабинет Ирины Ивановны?

– Я просто его не видела.

Шкарбун приподнялась со стула и взглянула на Домрацкого, ожидая от него дальнейших распоряжений, а потом перевела взгляд на Стерхову:

– Идемте, я покажу.

Домрацкий тоже встал и сопровождал их напутствием:

– Всегда рад помочь, если потребуется!

Кабинет Шкарбун располагался на втором этаже. Войдя туда, Стерхова подошла к окну, увидела заброшенный двор с фонтаном и щербатой верандой.

– Обычно в городах не хватает детских садов. А в Урутинге, я вижу, не хватает детей...

– Рождаемость падает. – Шкарбун подтащила стул и поставила к пустому столу: – Вот свободное место. Если нравится, занимайте.

Потратив несколько минут на то, чтобы снять жакет и распределить по ящикам свои вещи, Анна распорядилась:

– Нужны следственные материалы по делу Савельевых, а также все, что есть по останкам.

Ирина Ивановна отомкнула сейф, достала из него две нетолстые папки и положила перед Стерховой.

– Вот!

Та указала на стул:

– Присядьте, пожалуйста.

– Могу. – Шкарбун нехотя села.

Ей было около тридцати, в лице, особенно во взгляде, сквозило беспредметное недовольство. Это старило Ирину Ивановну и портило ее довольно приятную внешность: холеное лицо, яркие губы и голубые, слегка навывкате глаза.

– Расскажите мне все, что знаете по этим делам, – попросила Анна.

– Их объединили в одно производство, – проговорила Шкарбун. – Когда нашли останки Савельевой, сразу объединили.

– Кто сдавал биологический материал для сравнительного анализа ДНК?

– Мать Юлии Савельевой, еще до своей смерти.

– Поясните.

– После падения машины в реке искали тела. Мать Савельевой сдала биологический материал для идентификации. Потом она умерла, но профиль ДНК сохранили. Когда нашли фрагменты скелета и провели экспертизу, данные прогнали по базе и обнаружили соответствие.

– Процент совпадения высокий?

– Девяносто девять и шесть десятых. Нет никаких сомнений – кости принадлежат Юлии Савельевой, – отрубила Ирина Ивановна.

Было видно, что Шкарбун считала Анну помехой, ведь дело – яснее ясного: кто еще мог убить Савельеву, кроме ее

мужа?

Стерхова положила перед собой блокнот и приготовила ручку.

– Где были найдены останки?

– В лесу, недалеко от моста, с которого упала машина Савельевых.

– Кто их обнаружил?

– Два подростка гуляли по лесу с собакой, и та нашла кость. В следственных материалах есть фотографии.

– Я посмотрю их позже, – сказала Анна. – Пока рассказывайте.

– Подробно?

– Насколько это возможно.

– Берцовая кость торчала из-под земли под углом примерно в тридцать градусов. Подростки копнули рядом, обнаружили сгнившую одежду и позвонили в полицию.

– Останки дочери Савельевых тоже опознаны?

– С этим пока неясно. Все дело в том, что кости растащили животные, они были разбросаны по лесу, и многих не хватает. Но вероятность того, что мать и дочь были закопаны рядом, велика. Во всяком случае, эксперты работают с костями. По результатам следующих экспертиз все будет ясно.

– Значит, Савельеву опознали случайно? – Стерхова что-то записала в блокнот. – Если бы не профиль ДНК ее матери, сохраненный в базе, никто не догадался бы, что это она?

Шкарбун тряхнула головой:

– Скорее всего – да.

– Теперь поговорим о том, как погиб Виктор Савельев, – сказала Анна.

– А что о нем говорить... – заметила Ирина Ивановна. – Напился и съехал в реку.

Но Стерхова продолжала:

– Определимся со временем. В котором часу машина упала в реку?

– В деле фигурирует ориентировочное время – шесть часов утра.

– Почему ориентировочное? Свидетелей не было?

Ирина Ивановна делано рассмеялась:

– В такой-то глуши?

– Откуда и куда они ехали?

– Из загородного дома родителей к себе домой в Урутин. Савельеву предстояло заступить на дежурство в госпитале.

– А теперь вкратце: что, по вашему мнению, случилось в дороге?

– Ясное дело – конфликт. Знаете, как бывает: слово за слово... Говорят, Савельев сильно ревновал жену. Днем раньше, в доме родителей, у них вышла ссора.

– Есть свидетели?

– Смотрите в показаниях матери Савельева.

– Она назвала причину?

– Только упомянула о ссоре.

– И все-таки... – задумчиво проронила Анна. – Шесть ча-

сов утра – не рановато ли выяснять отношения?

– Что тут думать! – возмутилась Шкарбун. – Прочтите отчет судмедэксперта. Савельев был в стельку пьян!

– Я читаю... – пообещала ей Стерхова, после чего уточнила: – Шесть часов – и он уже в стельку?

– А может, еще, или с утра на старые дрожжи.

– Тогда, как родители позволили ему сесть за руль? Они что, не видели?

– В свидетельских показаниях сказано: из дома Савельев выехал трезвым. Но я этому не верю. Скорее всего, родители врут.

– Савельев злоупотреблял алкоголем?

– В характеристике с работы об этом ни слова.

– Ну а знакомые? Что говорят они? Их, я надеюсь, опрашивали?

– Кажется, да... – Ирина Ивановна опустила глаза. – Я видела какие-то показания, но особо не вчитывалась.

– В котором часу машина Савельевых уехала из дома родителей? – спросила Анна.

– В пять двадцать пять.

– Каково расстояние от дома до моста?

– Тридцать километров.

Анна встала и, сделав круг по комнате, подошла к окну.

– Полчаса езды, еще надо было поругаться, пострелять и закопать трупы в лесу. На все про все у главы семейства ушло бы не меньше часа.

– Когда следователь двадцать лет назад рассчитывал примерное время катастрофы, он полагал, что в машине было три человека. Теперь-то мы знаем, что Савельев был один, и можем накинуть полчасика.

– Скажите, откуда взялась версия, что Виктор Савельев застрелил дочь и жену? – спросила Стерхова.

– Да загляните же наконец в материалы дела! – прикрикнула Шкарбун, и Анна поняла, как много усилий придется приложить, чтобы с ней сработаться.

Она вернулась за стол и записала время в блокноте. Потом, выдержав паузу, бесстрастно проговорила:

– Я загляну в материалы дела. Но после того, как вы ответите на мои вопросы.

– Чтобы вы знали: когда подняли машину из реки, в ногах у Савельева лежал восьмизарядный пистолет Макарова – его личное оружие, в котором не хватало пяти зарядов.

– Пули нашли?

– Где? – уточнила Ирина Ивановна.

– Например, в могиле Савельевой.

– Нет. Там ничего не было. Зверье растащило с кусками плоти. Какой-нибудь волчара об эти пули зуб обломал.

– Что показала экспертиза оружия?

– «Предположительно, стреляли недавно». Что еще можно сказать, когда машина и, соответственно, пистолет пролежали на дне реки больше суток?

– Почему так долго?

– Пока обнаружили, пока подогнали спецтехнику... Коро-
че, что говорить? Сами знаете, как это обычно бывает.

– Ну хорошо, давайте отмотаем назад. – Стерхова подня-
ла глаза и посмотрела на Ирину Ивановну. – За сутки через
мост прошло немало машин. Неужели никто не сообщил в
полицию о сломанном ограждении или машине, которая ле-
жала на дне?

– Во-первых, в то время это была милиция... – нравоучи-
тельно изрекла Шкарбун, но Анна ее одернула:

– Давайте поближе к делу.

– Дорога, ведущая к мосту, гравийная, по ней и в те вре-
мена мало кто ездил. Машину с моста было не разглядеть,
да и кто бы остановился?

– У вас имеется подробная карта района? – спросила Ан-
на.

– Где-то была... – Шкарбун неуверенно огляделась. – По-
искать?

– Не надо. Лучше посмотреть в интернете.

Ирина Ивановна подошла к своему компьютеру и открыла
интерактивную карту:

– Готово!

Приблизившись, Анна склонилась над монитором:

– Ага... Вижу Энск, вижу Урутин. А где родительский дом
Савельевых?

– В Заварзино.

– Это деревня?

– Дачный поселок. Вот он. Видите?

Анна попросила:

– Пожалуйста, увеличьте.

Шкарбун увеличила и прочертила пальцем линию на экране:

– Автомобиль ехал так... Вот мост через реку Урут... С этого моста он и упал.

– В каком месте обнаружили останки Савельевой?

– Здесь нашли череп, берцовую кость и одежду. – Шкарбун очертила круг поверх лесного массива. – А на этой площади, рассыпью, нашли остальное.

– Постойте... – сказала Анна. – Савельевы ехали с левого берега на правый. Останки нашли на правом. Верно?

– Верно.

– По-вашему, выходит, что Савельев переехал мост, расстрелял семью, а потом вернулся, чтобы съехать в реку?

– Думаю, так и было.

Помолчав, Стерхова заглянула в блокнот и потом спросила:

– Далеко отсюда улица Оружейная?

– В старом городе.

– Можете организовать для меня машину?

– Сейчас попробую! – Шкарбун тут же встала и направилась к двери.

Анна тем временем набрала номер и спустя мгновение заговорила в трубку:

– Моя фамилия Стерхова, я из Москвы, работаю с вашим братом...

Глава 3

Сестра Савельева

В квартире на Оружейной царил мягкий сумрак, возможно, из-за того, что здесь было много старинной мебели и повсюду висели шторы, даже в дверных проемах.

Марина, сестра Савельева, сидела напротив Стерховой, за столом, накрытым тяжелой бархатной скатертью. Это была некрасивая, блеклая женщина, на которую никто не обернется на улице. Рыхлая, среднего роста, в безвкусном платье, которое она к тому же не умела носить.

– Был дождь... – Марина закрыла глаза и, выдержав паузу, продолжила: – В то утро шел дождь.

– Дожди в сентябре не редкость, – сказала Анна.

– Юля и Виктор проснулись в пять... Нет, Юля проснулась раньше, она собирала вещи и готовила завтрак. Помнится, я тоже вышла на кухню. На улице было еще темно.

– Марина Алексеевна...

– Просто Марина.

– В каком состоянии брат выехал из дома?

– В каком смысле?

– Виктор был пьян?

– Ах это... – Марина горестно усмехнулась. – Не знаю, откуда взялась эта чушь.

– В деле есть результат экспертизы.

– Виктор никогда бы не сел за руль пьяным. Он хирург!

Понимаете? На тот день у него была назначена сложнейшая операция.

Анна слушала, и ее не покидало ощущение стороннего наблюдателя, который тестировал информацию и одновременно давал ей оценки. В каком-то смысле это было безнравственным, и она поделилась:

– Я сознательно отложила знакомство с материалами, чтобы сначала выслушать вас. Мне необходимо составить общее впечатление и только потом углубляться в детали.

– Понимаю.

– Тогда попрошу вас быть откровенной.

– Излишне об этом напоминать, – сдержанно проронила Марина. – Я готова отвечать на любые ваши вопросы.

– Что за скандал случился у Виктора с женой за день до их гибели?

– Скандал?.. – Марина рассеянно огляделась. – Даже не вспомню.

– Они часто ссорились?

– Всякое бывало, как у всех.

– Из-за чего чаще всего?

– У Юлии была небольшая интрижка на стороне. Виктор догадывался и срывался на нее.

– Это предположение или интрижка определенно была? – уточнила Анна.

– Ну как интрижка... Скорее служебный роман.

– С кем?

Марина неуютно поежилась.

– Мне бы не хотелось...

– Вы обещали... – напомнила Анна.

– Она работала в воинской части бухгалтершей, там познакомилась с офицером из финансовой службы. Ну и закрутилось...

– Как зовут того офицера?

– Фамилия – Воронцов. Имени и отчества я не помню. Он был намного старше ее.

– Намного – это на сколько?

– Лет на пятнадцать.

– Значит, сейчас ему должно быть под шестьдесят?

– Ну где-то так, – подтвердила Марина. – Когда Юля бросила Воронцова, он стал преследовать ее.

– Откуда вы это знаете?

– Она сама мне рассказывала. Мы с ней дружили.

– Ваш брат знал об измене?

– Скорее всего, только догадывался. Мужья, как известно, о таком узнают последними.

– Мог Виктор убить из-за ревности дочь и жену?

– Нет. – Марина замерла, словно перепроверяя себя, и решительно повторила: – Нет, никогда!

– Потому что он ваш брат?

– Потому что Виктор был разумным, добрым и цивилизо-

ванным человеком.

– А если бы он был пьян?

Марина покачала головой:

– В это я никогда не поверю.

– Если бы Юлия не изменяла, их брак считался бы удачным? – спросила Анна.

– Уверена – да.

– Виктор любил свою дочь?

– Безумно. – Марина грустно улыбнулась и повторила: – Безумно!

– Значит, за руль Виктор сел трезвым?

– За день до этого они с отцом выпили по бутылке пива, только и всего.

– А утром Виктор не мог добавить?

– Мы с мамой вышли их провожать. Прощаясь, обнялись, и я не почувствовала ни малейшего запаха алкоголя.

Стерхова опустила голову:

– У вас очень душно.

Марина встала из-за стола и приоткрыла окно.

– Они уехали утром, а вечером я позвонила им на городской телефон, но мне никто не ответил.

– Как насчет мобильных?

– Ни у Виктора, ни у Юли их не было.

– Ясно.

– Тем же вечером мы с папой сели в машину и отправились в Урутин. Ехали по трассе и смотрели по сторонам:

вдруг на обочине или в лесу заметим машину?

– Машины там не оказалось, – подытожила Анна. – Что в Урутине?

– В квартире брата никого не было, и мы поехали в госпиталь. Нам сказали, что Виктор не заступил на дежурство. Не возражаете, если я закурю? – Марина подошла к старинному буфету, открыла витражную створку и достала пачку сигарет. Она щелкнула зажигалкой, прикурила и, обернувшись, спросила: – Вы не хотите?

– Я не курю, – ответила Анна и, не делая паузы, продолжила: – Когда вы поняли, что случилась беда?

– В доме у родителей, когда не смогла дозвониться.

– А когда обратились в полицию?

– Тем же вечером. Заявление у нас, конечно, не приняли – велели ждать трое суток. Но я своего добилась.

– Вы меня удивили, – заметила Стерхова. – И что же вы сделали?

– Написала заявление об угоне автомобиля.

– Что-то не понимаю...

– Сейчас объясню. – Марина взяла пепельницу и возвратилась к окну. Затянулась, выдохнула, и дым ее сигареты запутался в складках тюля. Потом снова заговорила: – Тем утром машина Виктора почему-то не завелась, и я одолжила ему свою.

– Сколько лет вам было в ту пору? – спросила Анна.

– Девятнадцать. Машину, подержанный «жигуленок»,

мне подарил отец.

– Значит, семья брата уехала на вашей машине?

– Совершенно верно. Именно это позволило написать заявление об угоне и заставить милицию действовать.

– Ага... – Стерхова одобрительно качнула головой. – Очень хороший ход. И что из этого вышло?

– В дежурной части нам сообщили, что патрульные экипажи начали поиск.

– Не думаю, что это оказалось решающим, – заметила Анна.

– Вы правы, – согласилась Марина. – Машину никогда бы не нашли, если бы не отец. Утром он позвонил командиру воинской части, и тот поднял в воздух вертолет. С высоты члены экипажа заметили под водой машину, сразу вызвали гаишников и сообщили в милицию. Те организовали подъем, но внутри машины был только брат. Юли и Танечки там не оказалось.

– Вы присутствовали при подъеме автомобиля?

– Присутствовала, но помню об этом смутно. Отцу стало плохо, и я была с ним.

Стерхова представила себе подвешенный на тросах «жигуль», из которого льется вода, а на переднем сиденье, привалившись к рулю, сидит утонувший Виктор Савельев.

Она уточнила:

– Брат был пристегнут?

– Кажется, да, – засомневавшись, подтвердила Марина.

Значит, все так и было. Впрочем, ни тогда, ни теперь это не имело значения. Как бы ни выглядел Савельев, он был уже мертв.

– Я изучила карту, – сказала Стерхова. – Урутин и Заварино связаны автотрассой. Почему ваш брат свернул на гравийку?

– Возможно, потому, что так было ближе. Нас с отцом это тоже удивило – на гравийной дороге можно разбить ветровое стекло. Проедет встречная машина, и вот он, камушек. А Виктор был ответственным человеком.

– Иногда прилетает от попуток, – сказала Анна. – Мог свернуть, если опаздывал.

– Брат не опаздывал, он выехал заранее, – твердо проговорила Марина и вдруг отвернулась.

По тому, как вздрогнули ее плечи, Анна поняла, что она заплакала.

– Вас приглашали для опознания одежды вашей невестки?

Марина затушила сигарету и вернулась за стол.

– Да, и я все опознала. Трикотажную кофточку мама подарила Юле на день рождения. Что касается детского рюкзака...

– Простите?.. – перебила Стерхова. – Вы сказали: детский рюкзак? Он принадлежал вашей племяннице?

– Я сама купила его на распродаже для Танечки.

Настенные часы начали бить время, и они замолчали. До-

ждавшись последнего, седьмого удара, Анна сказала:

– Мне нужно встретиться с вашими родителями.

Марина замотала головой и, словно поддавшись панике, вскрикнула:

– Отец болен, и маме не до этого! Я все рассказала.

– Вы же понимаете, что рано или поздно это случится, – сказала Анна, и Марина прошептала одними губами:

– Пусть лучше поздно...

Выйдя из подъезда, Стерхова обвела взглядом двор, поросший низкими деревцами, и не увидела ни людей, ни машин. Она обогнула дом и вышла на улицу Оружейную. Не обнаружив полицейского «уазика», который привез ее сюда, Анна стала ловить такси.

Спустя минуту, рядом с ней затормозил тот самый «уазик». Водитель перегнулся через сиденье и распахнул скрипящую дверцу:

– Прошу прощения! Долго ждали?

– Да нет. Ничего. – Стерхова залезла в машину и на автомате спросила: – Что-нибудь случилось?

– По-быстрому смотался в отдел, забрал у секретарши ключи. – Водитель тронул машину с места. – Ваша дорожная сумка лежит в багажнике.

– Зачем вы забрали ее из кабинета?

– Не я, – ответил водитель. – Следователь Шкарбун принесла.

– И что это значит?

– Домрацкий приказал, чтобы я отвез вас на служебную квартиру. – Он весело оглянулся: – Считайте, что повезло! Туда заселяют замминистров и генералов.

– Я – подполковник... – устало проронила она. – А как же гостиница?

– Гостиница в Урутине – дрянь, находится на окраине у автовокзала. Вам не понравится. А квартира – рядом с отделом.

Вздыхнув, Стерхова откинулась в кресле:

– Квартира, значит, квартира.

Они подъехали к многоэтажному дому, водитель проводил ее до порога, сам отомкнул дверь и вручил ключи:

– Желаю хорошего отдыха!

– Спасибо, – сказала Анна, вошла в квартиру и захлопнула дверь.

Для начала она обошла комнаты. Помимо гостиной и кабинета, здесь было две спальни. В ванной стояла джакузи, что тут же натолкнуло на мысль о сомнительной репутации квартиры.

Вечером, перед сном, ей позвонила мать:

– Устроилась? Гостиница неплохая?

– Меня поселили в квартире, – сказала Анна.

– Ты одна?

– Конечно.

– Не нравится мне все это... В гостинице безопасней. Там

администратор и горничные.

– Можешь не волноваться. В случае чего я сумею за себя постоять.

– Сплюнь три раза и не говори ерунды! – воскликнула мать и тут же осведомилась: – Звонила Николаю Клейменову?

Вопрос матери поставил Анну в тупик:

– Зачем?

– Отпуск отменился, значит, вы не увидите. Надо предупредить человека.

– Ну вот скажи мне, мама: откуда ты все знаешь?!

– Когда ты собралась поехать в Придивный, я сразу все поняла.

– Ну хорошо, я позвоню ему, – сказала Анна, однако, закончив разговор, отложила звонок на потом.

Глава 4

Стерхова знакомится с делом

Второй день пребывания в Урутинне Стерхова посвятила изучению следственных материалов. Порядок выяснения обстоятельств был импровизацией, но, по ее убеждению, вполне подходил для расследования такого запутанного дела.

Рабочий день в урутинском следственном отделе начинался не в девять, как в Москве, а в восемь часов утра, потому что в провинции не было метро или автомобильных пробок.

В семь пятьдесят Стерхова стояла у двери кабинета, из-за которой доносился голос Шкарбун:

– Ну да... Обычная московская стерва, лет тридцати пяти. Внешность? Высокая, темненькая. Фигура? Ну так себе, ничего особенного... Хорошая, говорю! Тебе легко рассуждать, Лара, а мне хоть из кабинета беги!

Анна толкнула дверь и вошла в кабинет.

– Здравствуйте, Ирина Ивановна.

– Здравствуйте... – Шкарбун по-быстрому свернула разговор и бросила трубку. – Все материалы по Савельевым я убрала в сейф. Вам достать?

– Да, пожалуйста. И вот еще что... – Анна вырвала из блокнота листок, черкнула несколько строк и положила на край стола: – Нужно разыскать одного человека. Фамилия –

Воронцов, имя и отчество неизвестны. Бывший военный за пятьдесят. Двадцать лет назад проживал в Урутине.

Шкарбун положила на стол две вчерашние папки и нехотя забрала листок.

– Это срочно?

– А в чем проблема?

– У меня и так много работы.

– Сначала найдите Воронцова, – отчетливо проронила Стерхова.

– Вы мне не начальник, а я вам не подчиненный. И я не обязана все бросать и выполнять ваши поручения, – проговорила Шкарбун и с вызовом положила листок на место.

Анна сняла жакет, повесила на стул и не спеша обернулась:

– Все – это что?

– Я не понимаю...

– Вы заявили, что не намерены все бросать из-за моих поручений. Но судя по тому, что я наблюдаю, вам нечего бросать, кроме сплетен по телефону.

Ирина Ивановна залилась румянцем, села за стол и сделала вид, что углубилась в изучение документов.

– На поиски Воронцова даю два дня, – напомнила Стерхова. – Когда найдете, немедленно доложите.

– А вы всегда себя так ведете на новом месте? – Отбросив самолюбие, Шкарбун встала с кресла и забрала листок.

Анна равнодушно осведомилась:

– Как?

– Бросаете вызов коллективу.

– Не стоит обобщать. Вы – не коллектив, а я лишена выбора, приходится работать с вами.

– Не имеете права оскорблять... – Не договорив, Ирина Ивановна выскочила из кабинета и хлопнула дверью. Из коридора донеслись ее шаги и первая фраза телефонного разговора: – Ты только представь себе, Лара...

Стерхова усмехнулась, открыла папку и пробежалась глазами по перечню документов.

«Протокол осмотра места происшествия... Пожалуй, начну с него». – Она перевернула страницу, отложила в сторону выпавшие схемы и стала читать.

«Двадцать четвертого сентября две тысячи первого года. Осмотр начат в двенадцать часов. Осмотр окончен в семнадцать тридцать».

– Что-то вы, друзья, подзатынули с осмотром... – вслух заметила Анна. – В сентябре в половине шестого уже темнеет

«Следователь следственного отдела при УВД города Урутин капитан юстиции Рябцев Иван Николаевич, получив сообщение в одиннадцать часов от дежурного УВД об обнаружении предположительно угнанного автомобиля ВАЗ-2109, прибыл в район тридцатого километра к мосту через реку Урут...»

– Та-а-ак...

«Проезжая часть, ведущая к мосту,

горизонтальная с обеих сторон. Вид покрытия дороги – гравийный. Мост деревянный, покрытие проезжей части моста дощатое. Ширина дороги и моста – шесть метров. С обеих сторон у въезда на мост установлены дорожные знаки ограничения по весу. На расстоянии пятнадцати метров от моста на левом берегу Урута располагается кромка хвойного леса. На правом берегу кромка леса находится на удалении трехсот пятидесяти метров».

Стерхова перевернула страницу, подняла глаза и, глядя перед собой, проронила:

– Гравийка – это плохо... Ни черта на этой гравийке не обнаружишь.

Пробежав глазами формальную часть протокола, она задержалась на важном.

«Место происшествия находится в зоне действия дорожных знаков, установленных по ходу осмотра, непосредственно на мосту. Деревянное ограждение моста со стороны направления течения реки сломано и частично обрушено в воду. Пролом в ограждении занимает три полных пролета между деревянными столбами-укосинами и составляет четыре с половиной метра. На деревянном покрытии моста вблизи ограждения обнаружены следы протекторов автомобильных колес, которые обрываются у кромки моста. На той же стороне в реке под водой на расстоянии десяти метров от моста просматривается крыша легкового автомобиля белого

цвета. Автомобиль сориентирован по оси течения реки с небольшим отклонением задней части к левому берегу. На момент осмотра данный участок реки, моста и прилегающей к нему дороги находился под естественным освещением при хорошей видимости».

– Ага... Машина рухнула в воду, и, пока шла ко дну, ее протащило вниз по течению. Теперь ясно, почему осмотр затянулся – вытаскивали тонну железа из реки в десяти метрах от моста.

Анна перевернула страницу и присвистнула:

– А глубина-то – пять с половиной метров! – Она просмотрела список технических средств, используемых для подъема автомобиля, и решила, что без связей отца погибшего здесь явно не обошлось. – Ну хорошо, а что у нас с осмотром автомобиля?

«В результате идентификации поднятого из реки автомобиля установлено, что ВАЗ-2109 белого цвета с данным государственным регистрационным знаком числится в угоне. В процессе осмотра автомобиля выявлены повреждения переднего бампера, левой передней фары, левого переднего крыла, решетки радиатора и капота. Левое переднее колесо повреждено и вывернуто наружу. Лобовое стекло имеет множественные трещины, наружные зеркала в исправном состоянии, стеклоочистители на месте. Задняя правая дверца автомобиля на момент извлечения из реки была распахнута, остальные три

закрыты».

«Будь я на месте следователя, я бы тоже решила, что женщина с девочкой выбрались из машины и утонули», – подумала Анна.

«Внутри транспортного средства на водительском сиденье обнаружено тело мужчины, пристегнутого ремнем безопасности. Мужчина сидит, навалившись головой и грудью на руль. Голова повернута вправо, щека прижата к рулю. Левая рука опущена вниз, правая – отведена в сторону и лежит на пассажирском сиденье ладонью кверху. Одет в куртку синего цвета...»

– Это потом! – Анна перевела взгляд в конец страницы и прочитала:

«В ногах погибшего лежат две стреляные гильзы девятого калибра и пистолет Макарова. На обивке переднего пассажирского сиденья – два пятна бурого цвета. Одно – овальное двадцать на пятнадцать сантиметров на верхней трети спинки. Второе – на горизонтальной поверхности сиденья десять на пять сантиметров. На заднем сиденье лежит дамская сумочка синего цвета. В проходе между передними и задним сиденьями находятся две объемные сумки».

– Стрелял в машине? Зачем? И где остальные гильзы? Стерхова отыскала протокол осмотра трупа, пропустила первые строки про понятых и стала читать.

«Нерезко выраженные признаки мацерации¹ кожи кистей рук. Наличие мелкопузырчатой пены в отверстиях носа и рта. Имеют место первые признаки гниения трупа».

– Так, а что у нас с температурой воды? – Она перелистала страницы протокола туда и обратно. – Ага...

«Осмотр проводился в пасмурную погоду при температуре воздуха плюс тринадцать, воды – плюс семь».

– Все верно, труп пробыл в реке не менее суток.

«Рот приоткрыт, в носовых ходах также видна водянистая кровавая слизь. Видимые зубы целы. Язык – за линией зубов, не ущемлен. В области левого лобного бугра имеется открытая рана, величиной три с половиной на два сантиметра. На голове в области макушки кровоподтек неправильно-овальной формы размером восемь на три сантиметра. В области грудины обширная гематома».

– Лбом стукнулся об руль, когда машина падала в воду – это понятно, гематома грудины – того же происхождения. А кровоподтек на макушке откуда? – хмыкнула Анна.

Она перечитала протокол осмотра еще раз, потом отыскала заключение судмедэксперта, в котором говорилось, что причина смерти Виктора Савельева – утопление.

¹ Мацерация – набухание кожи.

Содержание алкоголя в крови было небольшим – ноль целых две десятых промилле, что соответствовало легкому опьянению. Однако при вскрытии в желудке было обнаружено около полулитра водки.

Анна вчиталась в подробное описание повреждений на теле Савельева.

«Имеются неполные поперечные переломы второго и третьего ребра на левой половине грудной клетки. Зона разрыва проходит по внутренней костной пластинке. Особенности переломов позволяют сделать вывод, что на наружной поверхности ребра имеются признаки растяжения костной ткани, а на внутренней – сжатия, то есть перелом является конструкционным».

Анна достала телефон и сделала снимок заключения.

– Думаю, пригодится... Ну а теперь – схемы и фотографии.

Она раскрыла вкладку со схемой, сориентировала ее по сторонам света, увидела мост и проронила:

– Длина – тридцать два метра... Не такой уж ты маленький.

Траекторию движения машины Савельевых на схеме обозначили тонкими и чрезвычайно короткими линиями, вероятно, потому, что следы протекторов сохранились исключительно вблизи ограждения и непосредственно под ним.

Анна положила поверх схемы фототаблицу. Рассматривая

снимки, она приподнимала то один ее край, то другой, чтобы определить по схеме направление и место съемки.

Каждому снимку были присвоены номер и дата, а также номер протокола, к которому он прилагался. Здесь же были указаны параметры и условия съемки.

«Фотографирование произведено фотоаппаратом „Зенит-7М“ с объективом „Гелиос-44М“ на пленку чувствительностью шестьдесят четыре единицы. Замеры произведены с помощью стандартной рулетки. В процессе осмотра изготовлены и прилагаются к протоколу: общий план места происшествия, схема расположения машины и фототаблица».

«Схема расположения машины»... – Анна заглянула под левый край таблицы, увидела на схеме прямоугольник со скошенным носом и спросила себя:

– Автомобиль лежал на дне носом к мосту?

Это показалось ей странным. На ум пришла разумная мысль: какой силы должно быть течение, чтобы за одну-две минуты, пока тонула машина, развернуть ее в воде на сто восемьдесят градусов?

Она вернулась к таблице, вернее, к тому снимку, на котором были зафиксированы следы автомобильных протекторов. На дощатом покрытии моста, забросанном грязью и камнями, их было два. Правый – смазанный, как при торможении, левый – с хорошо различимым рисунком протектора.

Переведя взгляд на снимок автомобиля, Анна подумала:

«Левое переднее колесо повреждено, и встало боком. Вероятно, от углового столкновения с опорным столбом».

В целом все укладывалось в рамки разумного объяснения. Все, кроме положения автомобиля на дне реки. Поэтому Стерхова вернулась к следам протекторов.

На грязи отпечатались два задних колеса, которые, вероятно, покрыли собой следы передних. Радиус поворота был настолько велик, что их траектории практически совпадали. Но почему оказался смазанным правый отпечаток протектора, если правое заднее колесо было в порядке?

Анна решила переснять фотографии на телефон, однако задержалась на двух последних с ограждением моста. Странное дело: глядя на обломки, Стерхова ощутила странное чувство, как будто заметила что-то неприятное или ненастоящее. Пообещав себе проанализировать это позже, она закончила съемку.

Телефон в ее руках зазвонил в тот самый момент, когда в кабинет возвратилась Ирина Ивановна.

Дождавшись, пока она сядет и уткнется носом в компьютер, Анна ответила на звонок:

– Слушаю...

– Здравствуй, Аня. Утром встречал тебя на вокзале.

Стерхова покосилась на Шкарбун и сдержанно проронила:

– Я не приеду, Коля.

– Как же так?

– Прости, не предупредила.

– Понял... – Немного помолчав, Клейменов все же спросил: – Значит, не ждать?

– По крайней мере, в ближайшее время.

– Я понял, – сказал он и положил трубку.

Ирина Ивановна искоса следила за Стерховой, пытаясь вникнуть в тайный смысл разговора и уловить ее душевное состояние.

Не оставляя времени для догадок, Анна осведомилась:

– Рябцев еще работает?

– Иван Николаевич?

– Кажется, да.

– Ушел в отставку пять лет назад.

– Он жив?

– Жив и работает здесь, в Урутине, адвокатом.

– Не знаете, как его найти?

Шкарбун подошла к стеллажу, взяла брошюру и шлепнула ею по столешнице перед Стерховой.

– Вот телефонный справочник. Там все найдете.

Глава 5

Потерянный свидетель

Тихий гул, доносившийся бог знает откуда, наводил на мысль о теплоходном гудке. При этом дул легкий ветер, и было ощущение, что где-то рядом плещется море. Анна Стерхова дышала глубоко и размеренно, а теплоход все гудел и гудел.

Не открывая глаз, она похлопала по тумбочке, как бывает, когда до полного пробуждения хочется досмотреть сон. Телефон выскользнул из ее руки и свалился на пол. Пришлось окончательно проснуться.

– Господи... – Стерхова открыла глаза и села в постели.

Спустя мгновение она сообразила, что «теплоход» еще гудит и он в соседней комнате. Вскочив, она рванулась в гостиную и неожиданно для себя увидела женщину с пылесосом.

– Вы кто?!

Та обернулась и отключила свой агрегат:

– Я – Маша.

– Что вы здесь делаете?!

– Вот... – Маша стеснительно повела рукой. – Прибираюсь.

– Почему не предупредили?

– Вы же спали...

– Могли бы из уважения позвонить.

– Зачем? У меня свой ключ, – простодушно заверила горничная.

– Затем, что я здесь живу, и у меня свои планы! В конце концов, сегодня суббота!

– Так я ж по субботам и убираюсь.

– Да вам хоть кол на голове теши, не поймете! – Анна с грохотом закрыла балкон, обернулась и, будто оправдываясь, обиженно проронила: – Хотела сегодня выспаться.

– Так спите, кто ж вам мешает? – сказала Маша и обиженно шмыгнула носом.

– Простите... – Стерхова тронула ее за плечо.

– Я и не такое здесь повидала.

Ее смирение и готовность сносить хамство повергло Анну в чувство вины. Вернувшись в спальню, она открыла шифоньер, выбрала одежду, потом прошла в ванную и, возвратившись оттуда, сказала:

– Вы прибирайтесь, а я пойду поработаю.

– Сегодня ж выходной, – напомнила Маша.

– В командировках выходных не бывает, – сказала Анна. – Не знаете, чей это чемодан стоит в моей спальне?

– Олег Петровича. Он, когда с женой разводился, здесь проживал.

– Вы говорите о Домрацком?

– Знаете его? – Маша мечтательно закатила глаза и провела рукой по волосам. – Высокий такой блондин.

– Нас познакомили... – заметила Анна и для чего-то спросила: – Давно он развелся?

– Двух месяцев не прошло. Говорят, в отделе за ним стоят в очередь.

– В очередь? Зачем?

– Такой мужик, и вдруг холостой. Неужели не понимаете?

– Ах, вот оно что! – Анна забрала ноутбук, надела жакет и перед тем, как выйти, напомнила: – Хорошо бы передать ему чемодан.

До трех часов Стерхова просидела в отделе: просматривала следственные материалы, изучала по карте дорогу, по которой ехал Савельев. Нашла в интернете информацию о реке Урут, конкретно – скорость течения. В разных источниках данные расходились, но предельные значения были ясны.

В начале четвертого она вызвала такси и направилась в гаражный кооператив на окраине города, где была назначена встреча с Рябцевым, первым следователем по делу Савельева. Днем раньше по телефону он предложил ей два варианта: встретиться в адвокатской конторе в понедельник или в гараже в выходной. Анна выбрала второй вариант.

Уже через полчаса она стояла у оборванных ворот гаражного кооператива номер тринадцать и припоминала номер бокса, который назвал ей Рябцев, – не то сорок четвертый, не то сорок восьмой. Решив, что в любом случае два четных бокса будут находиться на одной стороне улицы, она ступила на территорию кооператива.

Чем дальше Стерхова продвигалась вглубь, тем больше понимала, что гаражная жизнь провинциальных городов – особый элемент социальной реальности с красочным колоритом и богатым перечнем свойств.

Возможно, потому, что была суббота, в гаражах проходили застолья. Столы с выпивкой и незамысловатой закуской сервировались на ящиках, скамейках и даже на капотах машин. Повсюду царила расслабленная, благодушная атмосфера, не исключавшая, однако, некоторых признаков деловой активности.

Сорок четвертый бокс был заперт на большой висячий замок. Рябцев оказался в сорок восьмом и, когда появилась Стерхова, был в смотровой яме.

– Иван Николаевич! – Она заглянула под машину. – Я – Стерхова. Мы с вами договорились на половину четвертого.

– Приехали? – Рябцев высунул голову, а потом, закряхтев, выбрался сам. – Здравствуйте! Руки подать не могу, она в солидоле.

Это был седой коренастый мужчина в спецовке и белом чепчике, какие носят врачи.

Стерхова огляделась:

– Нам бы присесть...

– Сейчас организуем! – Рябцев схватил ветошку, наскоро вытер руки и скрылся в глубине гаража. Вскоре он вернулся оттуда с задним сиденьем от автомобиля и пристроил его на два чурбака: – Прошу, присаживайтесь!

Анна с подозрением оглядела «диванчик», но все же села. Рябцев ловко прикурил сигарету, выкатил колесо и оседлал его.

– Слушаю вас.

– Помните дело Савельева? – задала она свой первый вопрос.

– Пьяный водитель, и в результате – три трупа. Один остался в машине, двоих унесло рекой. Как же не помнить? – сказал Иван Николаевич. – Уголовное дело возбуждали по двести шестьдесят четвертой статье, но прекратили в связи со смертью виновного. Неделию назад мне позвонила Шкарбун и сообщила, что в лесу нашли останки жены Савельева.

– Что вы об этом думаете?

– Пока ничего.

– Встречались со Шкарбун?

– Она больше не позвонила.

– Ясно... – Анна невольно оглядела его промасленный комбинезон, из-под которого выбивался воротник клетчатой рубашки. В таком виде Рябцев меньше всего походил на преуспевающего адвоката.

Перехватив ее взгляд, Иван Николаевич усмехнулся:

– Думаете, что я скупердяй и экономлю на сервисных мастерских?

– Да нет...

– Думаете-думаете. – Затянувшись дымом, Рябцев затушил сигарету об подошву бахил. – Так вот, чтобы вы знали:

я здесь не для денег, а ради удовольствия.

– Понимаю, – улыбнулась Стерхова, – машина – ваша страсть.

– Машина – моя душа, – сказал он и похлопал по переднему крылу старой «Волги», – на ней еще мой дед ездил, а она до сих пор на полном ходу.

– Вернемся к нашему разговору, – сказала Анна и повторила вопрос: – Что вы думаете о найденных останках и деле в целом? Ведь вы когда-то его расследовали.

– Двадцать лет прошло... – Рябцев снял с головы матерчатый чепчик и почесал в затылке. – Была б моя воля, забыл бы все к чертовой матери. Да что-то не забывается. Иной раз такое приснится – не то что мне, чертям в преисподней и тем было бы тошно. В адвокатуре занимаюсь только гражданскими исками, а до сих пор не отпускает. Вот ведь зараза!

– Шкарбун изложила вам свою версию?

– Относительно дела Савельева? – Иван Николаевич кивнул, словно сожалея: – В общих чертах.

– Вы с ней согласны?

– Поймите, я больше не хочу с этим связываться.

Анна видела, что многого от Рябцева не добиться. У нее хватило бы терпения его разговорить, но она не любила подолгу стоять у закрытой двери, поэтому пошла напролом.

– Вы – бывший офицер следственных органов, единственный человек, от которого я могу получить недостающие данные. Так или иначе, вам придется отвечать на мои вопросы.

– Ух ты, какой заход! – Сгорбившись, Рябцев обескураженно покачал головой. – Ну что ж, задавайте свои вопросы.

– Савельев ехал в Урутин по трассе, но потом свернул на гравийку. Знаете, почему?

– Могу лишь предположить. По гравийке до Урутина на пять километров ближе.

– Но не быстрее? Ведь так?

– Так.

– Другие урутинцы так же ездят?

– В большинстве случаев горожане ездят по трассе. По гравийке только на пикники или чтобы отдохнуть у реки. Еще – к дачам, где проживают местные толстосумы. Жадные сволочи, не могут сброситься на асфальт, а из бюджета своровать, видимо, не получается.

– Дачи и пикники – это не наш случай, – заметила Анна.

– Если честно, я не понимал этого тогда и не понимаю теперь, – признался Рябцев. – В десяти из десяти возможных вариантов, Савельев должен был поехать по трассе.

– У вас были версии, когда он выпил спиртное?

– Дурное дело нехитрое... – Иван Николаевич кивнул на металлический шкафчик. – У меня вон тоже припрятана поллитровочка. Если хотите, могу продемонстрировать. Засекайте время, через несколько минут я буду в зюзю.

– Мне не до шуток, – сказала Стерхова, – пришло время докопаться до истины.

– Да ну?.. – Он иронично отшатнулся и проворчал: – От-

куда такое рвение? Хотя, позвольте-позвольте, я кажется, догадываюсь. Ведь вы из Москвы? Брат погибшего Савельева служит в следственном управлении. Оттуда ноги растут?

– А вы бы на его месте не вмешались? – прямо спросила Анна.

– Смотря для чего...

– А если бы на вашего брата повесили двойное убийство?

– Давайте обойдемся без демагогии.

– Давайте, – легко согласилась Стерхова. – Помните, как располагалась машина Савельева на дне реки?

– Смутно, – ответил Рябцев.

– Автомобиль был сориентирован по оси течения носом к мосту.

– Предположим.

– Отсюда вопрос: почему?

– Ну! – поторопил ее Рябцев. – Начали, договаривайте!

– Он съехал носом, и его отнесло течением всего на десятков метров.

– Значит, развернуло.

– Скорость течения в этом месте составляет полтора метра в секунду. Логично предположить, что женщину и ребенка могло унести таким быстрым течением, но чтобы развернуть машину – маловероятно.

– Пожалуй, соглашусь. Но и на этот вопрос у меня не будет ответа. – Тяжело вздохнув, Рябцев вдруг повинился: – Согласен, расследование было поверхностным. Но я, как и

другие, был твердо уверен в том, что это несчастный случай. Виновник трагедии погиб, и дело закрыли.

Стерхова заглянула в блокнот.

– Пойдем дальше... В машине нашли пистолет Макарова и только две гильзы. – Она подняла голову и внимательно взглянула на Рябцева: – Но выстрелов было пять. Два выстрела в салоне и три снаружи? Зачем?

– Следов от пуль в салоне точно не было, это я помню.

– Выходит, палил в открытое окно?

– Может, и так.

– Если в открытое окно, то в кого? – спросила Анна.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Рябцев. – Шкарбун считает, что Савельев убивал жену и дочь в машине. На переднем сиденье остались пятна крови. Решившись умереть, Савельев не стал бы раздумывать, как убереечь салон.

– На мой взгляд, это неубедительно.

– Почему?

– Есть более подходящие варианты. Например, увести их в лес и там застрелить.

– Кстати. У вас не возник вопрос: зачем, идя на смерть, Савельев пристегнулся ремнем безопасности?

– Вы сами об этом думали?

– Повторяю: двадцать лет назад падение машины признали несчастным случаем.

– Но теперь-то многое изменилось, – заметила Анна. –

Есть о чем поразмыслить.

– Например? – Иван Николаевич с любопытством заглянул ей в глаза.

– Почему, задумав убийство, Савельев переехал мост, а потом вернулся? На левом берегу лес гуще, и он всего в пятнадцати метрах. Не проще ли было убить их до моста и там закопать?

– С этим как раз все ясно. Как только нашли останки Савельевой, Шкарбун изобрела удобный маршрут. Так сказать, подогнала под ответ.

– А вы бы какой придумали? – быстро спросила Стерхова.

– Мне многое неизвестно. Вам, полагаю, тоже. Зачем же говорить ни о чем или делать пустопорожние выводы? Могу я задать вам один вопрос?

– Конечно.

– Останки девочки, дочери Савельевых, обнаружены?

– Ждем результатов экспертизы.

– Трагическая судьба досталась этой семье. – Рябцев поднялся на ноги и горестно покачал головой. – Врагу не пожелаешь.

– Хотите посмотреть фотографии? – Анна достала телефон.

Иван Николаевич протестующе вскинул руки и беспорядочно забегал по гаражу.

– Нет! Нет! Избавьте!

– Но почему?

– Не тягивайте меня в это снова!

– Пожалуйста, не ребячьтесь, – одернула его Анна. – Мне очень нужна ваша помощь.

– Да поймите же вы наконец! – вскрикнул Рябцев. – Я слишком хорошо себя знаю. Замечу что-нибудь, ухвачусь за какую-то деталь, и вы же меня потом от этого дела за уши не оттяните!

– Оттяну, – пообещала Стерхова и протянула телефон: – Смотрите.

– Ну и что? Все это я уже видел. – Он перелистал фотографии. – Что именно вас интересует?

– Следы от протекторов.

Иван Николаевич отыскал нужный снимок.

– Вижу. Правый отпечаток смазан и похож на след от юза или от торможения.

– Если бы Савельев тормозил, то оба следа были бы одинаковы. А если бы шел юзом, то отпечатки задних колес не наложились бы на передние. Разве не так?

– Признаться, так глубоко не заморачивались ни мы, ни гаишники.

– Но вы же понимаете, что ситуация изменилась? – напомнила Анна.

– Во что вы меня тягиваете... – пробормотал Рябцев, продолжая рассматривать фотографии.

– Обратите внимание, – сказала Стерхова, – нет ни опавшей краски, ни осколков бампера или фар. Ничего, кроме

камней, грязи и отпечатков протекторов.

– Вижу... Можете переслать эти фотографии на мой телефон?

– Легко. – Стерхова забрала свой мобильник и сделала то, о чем он просил.

– А знаете, я вдруг вспомнил... – Иван Николаевич, не договорив, замолчал.

– Что? – оживилась Анна.

– Мелькнул у меня свидетель, который не вписался в общую картину происшествия, и я его, как говорится, забанил.

– Откуда он взялся?

– Сам позвонил в дежурную часть, и его звонок перевели на меня.

– Что-то видел?

– Утром того же дня он проезжал через мост и заметил пролом в ограждении.

– Когда это было? Во сколько?

– Если бы вспомнить...

– Пожалуйста, напрягитесь! – взмолилась Анна.

– Помнится, он видел какого-то человека за мостом, где позже нашли останки жены Савельева.

Стерхова догадалась:

– Перила были сломаны, и машина уже лежала на дне. Это был не Савельев.

– Если не ошибаюсь, он знал того человека и даже предложил его подвезти.

– Имя?! Имя назвал?!

– Не требуйте от меня невозможного! – возмутился Рябцев. – Я не помню! Меня это не интересовало. По крайней мере, в тот момент.

– И он, этот человек, позвонил, чтобы рассказать про поломанное ограждение моста или про человека из леса?

– Говорю же вам, я этого не помню! Хотя, если предположить, он мог связать воедино два этих факта. Вдумайтесь: раннее осеннее утро после дождя, безлюдная дорога, темно, и вдруг – пролом в ограждении моста, а через пятьсот метров из черного елового леса бежит человек.

– Кто-то мог не заметить.

– А он заметил, – настойчиво повторил Рябцев.

– Что же вы не допросили его? – с упреком спросила Анна.

– Мы поговорили по телефону, но я не стал его приглашать для снятия показаний.

– Почему?!

– Повторяю: свидетель не внушал мне доверия. Место, на которое он указывал, находилось на правом берегу за мостом. В то время я был уверен, что Савельевы туда не доехали.

– Мне нужно его найти! – твердо сказала Стерхова.

– Думаю, что это невозможно, – ответил Рябцев, но вдруг спохватился: – Постойте! Кажется, я записывал его телефон!

– Помните спустя двадцать лет?

– Не мог не записать! Имею эту привычку.

– Где?

– На обороте какого-то документа.

Анна уточнила:

– Того, что подшит в дело?

– Скорее всего – да. Возможно, я ошибаюсь, но вам стоит проверить.

– Надеюсь, что мы еще встретимся. – Стерхова поднялась с дивана.

– Звоните. – Рябцев надел чепчик, сел на край смотровой ямы и опустил в нее ноги. – Ну а если я о чем-нибудь вспомню, сам позвоню.

Глава 6

В сентябре вода в Уруте холодная

– Это Анна? – Голос в трубке казался неуловимо знакомым, но еще не обрел своего имени.

Стерхова припомнила, кому в последнее время давала свой телефон. В голову пришло лишь одно имя:

– Ангелина?

– Узнали! – воскликнула та и без промедления спросила: – Какие планы на вечер?

– Только что подъехала к отделу, надо бы поработать.

– В субботу следует отдыхать.

– Не в командировке, – сказала Анна и отвлеклась на водителя такси: – Здесь остановите, пожалуйста.

– Давайте менять планы, – продолжила Ангелина, – приезжайте ко мне на дачу.

Стерхова взглянула на часы:

– Скоро стемнеет. Как-нибудь в другой раз.

– Служебная машина сейчас в Уруте. Соглашайтесь, удобный случай.

– Дача далеко?

– В двадцати километрах от города.

– И все-таки нет. У меня работа, – сказала Анна, однако Ангелина будто не слышала:

– Ждите там. Через несколько минут за вами приедут.

– Я повторяю... – Связь прервалась, и Стерхова замолчала. Будучи уверенной, что Ангелина бросила трубку, избегая возражений, она решила ей перезвонить, но вдруг передумала.

Доводы в пользу поездки сформировались внезапно: во-первых, дело шло к вечеру, во-вторых, для работы в выходные у нее оставалось воскресенье, в-третьих, она давно не была на природе.

К приезду служебной машины Анна уверовала в целесообразность поездки и была готова пуститься во все тяжкие.

Уже на въезде в дачный поселок Стерхова поняла, что в этом месте, на берегу Урута, обосновались местные богачи и государственные чиновники. Возбужденная поездкой и свежим весенним воздухом, она с любопытством разглядывала дома на центральной улице, которая началась двумя помпезными зданиями. По словам водителя Ангелины, одним из них владел бухгалтер домостроительной компании, другим – вдова хозяина колбасного комбината.

– А видите вон тот особняк? – Сергей указал на китайскую фанзу с элементами готической архитектуры. – Эту абракадабру выстроил наш губернатор.

– Впечатляет, – кивнула Анна.

Водитель заложил поворот и остановился у чугунных ворот, около которых уже стояла Ангелина. Рядом с ней про-

хаживался высокий, явно старше ее, мужчина в профессорских очках.

– Ну наконец-то! Приехала! – Ангелина распахнула объятия.

Анна позволила себя обнять, однако сама эмоций не показала. Сдержанность в общении была ее правилом, которое не поддавалось пересмотру или ревизии. Совместное время, проведенное в поезде, было недолгим, и они оставались едва знакомыми.

– Спасибо, что пригласили. – Стерхова перевела глаза на мужчину: – А вы, наверное...

– Муж. Всего лишь муж сиятельной дамы. Савелий Павлович Горский. – Он подал руку, и когда Анна протянула свою, склонился, чтобы прикоснуться к ней губами.

Ангелина предупредила:

– Пожалуйста, не пугайтесь. Мой муж – из вымирающего вида русских интеллигентов.

– И это приятно, – улыбнулась Стерхова.

Ангелина подхватила ее под руку и подвела к воротам. Те медленно распахнулись, и они пошли по лужайке, прочерченной мраморным пунктиром для автомобильных колес.

– Хотите в дом или же сразу на веранду?

– На веранду, – сказала Анна и, оглядевшись, оценила совершенство усадьбы: – У вас красиво!

Веранда с раздвижной крышей и прозрачными стенами располагалась у задней стены дома. Там у горящего очага на

диване сидел худощавый мужчина, второй, крупный здоровяк, стоял возле бара и занимался приготовлением коктейлей. Услышав голоса, оба обернулись.

– Знакомьтесь! – Ангелина указала на крупного человека в черной бейсболке: – Евгений Хаустов, мой сокурсник. Дружим со времен учебы в университете.

– И не только. – Он улыбнулся. – В детсаду сидели на соседних горшках.

– Он шутит, – заметила Ангелина.

– Меня зовут Анна, – представилась Стерхова и развернулась ко второму, худому, блеклому и высокому. – Очень приятно.

– Геннадий. – Он сделал шаг навстречу, и Ангелина прокомментировала:

– Геннадий Михайлович – наш сосед, забежал на огонек почаевничать.

– Присоединяйтесь. – Хаустов взял две бутылки и показал их Анне: – Виски с мартини?

Она сказала:

– Немного водки.

– Вот это я понимаю! Наш человек! – Евгений Хаустов налил в бокал водки и протянул его Анне: – За знакомство!

Все выпили, потом разобрали тарелки и расселись на диванах у очага.

– Давайте сюда, поближе. – Хозяйка дома поощрительно улыбнулась Анне. – А я тут про вас рассказывала.

– Что именно?

– Какая у вас интересная работа.

– Это преувеличение.

– Раскрытие архивных дел... – задумчиво проронил Горский. Теперь он держался намного проще, оставив чудаковатую манеру за воротами дома. – Неблагодарное дело!

Стерхова усмехнулась:

– Но кто-то должен делать эту работу.

– Нетрудно догадаться, что свидетели со временем умирают, улики теряются, и многое забывается. Готов поспорить, раскрываемость у вас невысокая.

– Можно сказать и так.

Савелий Павлович погрозил ей пальцем и шутливым тоном добавил:

– Как профессионально вы уходите от ответа.

– А вам нужны цифры?

– Было бы интересно.

Обмен короткими репликами закончился длинной паузой, которая не могла продолжаться вечно, и Анна заговорила:

– За прошлый год раскрыто пять тысяч двести тридцать три преступления. Из них четыреста сорок пять убийств, двести одно причинение тяжкого вреда и двести восемьдесят одно преступление против половой неприкосновенности.

– Ну-у-у... – протянул Хаустов. – Это бездушная статистика. Вот если бы вы рассказали о каком-нибудь универ-

сальном приеме, при помощи которого ведете расследование, это бы нас развлекло.

В сравнении с Горским он выглядел резким или даже вульгарным. Стерхова мельком посмотрела на Ангелину и сдержанно проронила:

– Никаких секретов нет.

– Неужели?

– Успех расследования складывается из сочетания множества факторов.

Ангелина одернула Хаустова:

– Анна Сергеевна приехала не для того, чтобы развлекать нас рассказами. – Она привстала с дивана и начала разливать чай. – А впрочем, я сама во всем виновата. Не надо было заводить такой разговор.

Приняв из рук Ангелины чайную пару, Стерхова проронила:

– Да нет, отчего же...

Горский тут же перебрался поближе. Во всем его виде сквозил неподдельный интерес.

– Тогда попрошу ответить мне на вопрос. Зачем ворошить старые дела? Не лучше ли заняться новыми?

Вопрос для Стерховой был привычным, она ответила не задумываясь:

– Неотвратимость наказания. Слышали о таком?

– О да! Конечно.

– Моя работа связана с обеспечением этого правового

принципа.

– Ну хватит! – прикрикнула на мужчин Ангелина. – Пьем чай и рассуждаем о хорошей погоде.

– Гелечка! В кои веки выпало поговорить с интересным человеком, а ты запрещаешь, – посетовал Горский. – Мы не услышали от Анны Сергеевны ни одной занимательной истории. А их, я уверен, у нее предостаточно.

– Если только она сама захочет их рассказать, – сказала Ангелина.

– Ну что же... – Стерхова отставила чашку. – Могу рассказать вам пару историй. Но ничего занимательного вы в них не найдете.

– Так-таки ничего? – усмехнулся Хаустов.

– Одну только мерзость и грязь.

– И все-таки?

– Например: на днях в Кемеровской области отправили в колонию четырех человек за убийство их приятеля, который хотел выйти из преступной группировки. Его сначала избивали, потом выкрали из больницы, обезглавили, а тело расчленили и бросили в прорубь. Как видите, ничего оригинального. Все повторяется.

– Вы сами их посадили? – уточнил Геннадий Михайлович, тихий сосед Ангелины.

– Нет. Этим делом занималась не я.

– А вы что-нибудь из своих расскажите.

– Из своих? – Анна ненадолго задумалась. – Прошлой осе-

нюю раскрыли дело серийного маньяка, насильника и убийцы. Этот случай, пожалуй, неординарный. Сначала он изнасиловал и убил женщину, а потом, через двадцать лет, женился на ее дочери и поселился в ее доме².

– Чудовище... – сдержанно заметила Ангелина. – Вот уж воистину, никогда не знаешь, за каким углом тебя поджидает смерть. Вам не бывает страшно?

– Признаюсь, да... – Чуть помедлив, Анна продолжила: – Иногда встречаются люди, которые внушают мне ужас. Все прочие выглядят заурядно, так же, как мы с вами.

– А что насчет следов преступления? Какие-то могут сохраняться долгие годы? – спросил Хаустов.

– Иногда такое случается. Как правило, это отпечатки или данные генетических профилей...

– Имеете в виду ДНК?

– Ну да... – подтвердила Анна. – Если криминалистам удастся извлечь ДНК из уцелевших биоматериалов, результат прогоняют по базам данных и выявляют совпадения. Два месяца назад в Симферополе один мой товарищ посадил недочеловека, виновного в половых преступлениях против шестнадцати детей. Младшему было всего полтора года.

– Боже, какая мерзость! – воскликнула Ангелина.

– А я говорила... Одна только мерзость и грязь, – подтвердила Стерхова.

² Подробнее читайте об этом в романе Анны Князевой «Убийца возвращается дважды».

– И сколько лет он орудовал?

– Около восемнадцати.

– Куда же смотрела полиция?

– Это вопрос риторический.

– А как насчет информации? – поинтересовался тишайший Геннадий Михайлович и снова умолк, как будто ушел в тень.

– Не поняла вопроса, – взглянула на него Анна.

– Случалось ли вам добывать ранее неизвестную информацию?

– Нечасто, но такое бывает. Не далее как сегодня.

– Поделитесь? – не справилась с любопытством Ангелина.

– Мне бы не хотелось, – заметила Стерхова, – но если в общих чертах – в деле появился новый свидетель.

– Какое самое старое преступление вам довелось расследовать? И каким оно было?

– Самое старое? – с усмешкой спросила Анна. – В моей практике был такой случай: шестьдесят пятый год, убийство ребенка. Когда разоблачили убийцу, он был уже мертв.

– Есть божий суд! – торжествующе произнес Горский. – И как же он умер?

– В тюрьме. Поперхнулся баландой.

– Надеюсь, что ему помогли, – сдержанно проронила Ангелина. – Кому еще налить чаю?

Горский протянул чашку и, взглянув на Стерхову, справился:

– Как продвигается расследование урутинского дела? Разумеется, кроме того, что появился новый свидетель?

– Многое пока неизвестно, – уклончиво ответила Анна.

– Ах да, простите, я понимаю. Вы не имеете права разглашать информацию.

В попытке выглядеть убедительной, Анна оглядела веранду.

– Ну что же, спасибо, я хорошо провела время.

– Хотите сбежать? – обеспокоился Горский.

Она поднялась с дивана:

– Сожалею, но мне пора.

– Геля... – Он посмотрел на жену. – Шофер в гараже?

– Уехал. Я его отпустила.

– Но как же так, не подумав?..

– В Урутин Анну Сергеевну отвезет Женя.

Стерхова указала на бокал в руках Хаустова:

– Он не может вести машину.

Хаустов покрутил содержимое в бокале и приблизил к ее лицу:

– Можно убедиться, весь вечер пью минералку.

Минут через десять автомобиль Хаустова съехал с асфальтированной дороги поселка на грунтовую, которая, в свою очередь, перешла в гравийку.

– Сюда меня везли по другой дороге, – сказала Анна.

Хаустов объяснил:

– По гравийке до Урутина ближе.

– На такой скорости мы с вами до утра до города не доедем.

– Здесь опасно, камнями побью лобовое стекло.

– Камни отлетают от попутки или от встречки. – Стерхова оглянулась: – Кажется, за нами едет машина.

– Где? – Хаустов посмотрел в зеркало заднего вида. – Если бы ехала, светились бы фары. В темноте здесь можно слететь в кювет. У гравиек обязательно бывают кюветы.

– Можно побыстрее?

– Скорости не прибавлю, иначе побью днище. – Он ткнул пальцем в навигатор. – Сейчас будет деревянный мост через Урут.

– Старый?

– Кто? – сухо осведомился Хаустов.

– Мосту, говорю, сколько лет?

– Да уж пятьдесят, наверное, не меньше.

– И много у вас таких мостов?

– На всю округу один.

Стерхова беспокойно заворочалась на сиденье и, когда автомобиль заехал на мост, скомандовала:

– Стойте!

Хаустов дернулся, резко затормозил, и Анна клюнула носом в переднюю панель.

– Вы что?! – вскрикнул он. – Так и в реку съехать недолго!

– Мне нужно выйти. – Она распахнула дверь.

– Вам по нужде? – Хаустов чуть замешкался. – Может,

лучше в лесу?

– Нет, лучше здесь.

– Тогда я отъеду.

Красные габаритные огни уплыли вместе с автомобилем Хаустова и замерли в темноте, метрах в ста от моста.

Помедлив секунду, Стерхова прошла вдоль ограждения и остановилась там, где, по ее расчетам, автомобиль Савельева съехал в реку. Она перевесилась через перила и глянула в парящую на холоде воду. Ей представилось, как неотвратимое течение тащит машину, как уходит под воду нос беспомощной железяки и растворяется в глубине пятно белой крыши.

С реки потянуло холодом, где-то далеко, в чаще леса, заухал филин. С дороги послышался хруст гравия. Почувствовав, что там кто-то есть, Анна вгляделась в темноту. Едва различимый силуэт был определенно мужским. Достигнув моста, он будто вырос и показался аномально большим. Ей вдруг представилось, что, приблизившись, он с ней заговорит.

Все так и вышло. Незнакомец произнес:

– В сентябре вода в Уруте холодная... – и вдруг присел.

Сильные руки схватили ее за щиколотки, ноги взлетели в воздух, Анна перевалилась через перила и рухнула в темноту. Перед ударом об воду пришла нелепая мысль: почему он сказал «в сентябре», ведь сейчас апрель...

Она ушла в глубину, как показалось, метра на три. Обжигающая ледяная вода мгновенно пропитала одежду и по-

тянула вниз. Преодолевая эту неумолимую силу, Анна беспорядочно двигала ногами и руками. Когда осталось совсем немного до того, чтобы вынырнуть, она ощутила спазм и поняла, что больше не может задерживать дыхание. Анна инстинктивно скинула туфли и вытолкнула себя на поверхность. В то же мгновение она сделала мощный вдох, который заполнил легкие, но вместе с тем вызвал приступ удушья и паники.

Судороги в пальцах мешали расстегивать пуговицы, но она с ними все-таки справилась и стащила с себя жакет. Минуты две или три Стерхова барахталась в воде и больше не могла сделать ни вдоха. Но когда сознание стало угасать и зазвенело в ушах, ей все же удалось продышаться. После этого она огляделась и определила, к какому берегу двигаться. А потом поплыла, беспомощно, по-собачьи.

Глава 7

Экспертное заключение

В воскресенье ровно в половине восьмого Анна Стерхова распахнула глаза и произнесла в темноту:

– Сегодня воскресенье, и я – в Урутине.

Расчет был на то, что собственный голос примирит ее с безрадостной правдой бытия. Мать в чем-то права: жизнь в командировках походила на затяжную гастроль, когда названия городов определялись только по надписям на вокзалах.

Внезапно ей вспомнился вчерашний заплыв в реке, и она повторила то, что слышала на мосту:

– В сентябре вода в Уруте холодная...

Стерхова включила светильник, но не потому, что было темно, а потому, что сделалось жутко. Тот страшный человек ушел в сторону Хаустова. Но когда, вернувшись в автомобиль, Анна спросила его про незнакомца, он сказал, что никого не заметил.

Нужно отдать должное, Хаустов без лишних вопросов укутал Стерхову в плед и быстро домчал до дома. Возможно, поэтому ей удалось не заболеть.

Трель дверного звонка скорее напугала, чем отвлекла ее от тревожных мыслей. Как была, в пижаме, Анна подступила к двери и заглянула в глазок.

Открыв ее, она удивилась:

– Вы?!

– Я понял. Рано. Простите, – сказал Домрацкий и, развернувшись, попытался уйти.

– Пойдите! – окликнула его Стерхова. – Вы за чемоданом? Входите.

– Мог бы заехать позже, но побоялся, что не застану, – заметил он, переступая порог квартиры.

– У вас в отделе нет запасных ключей?

– Есть. Но я бы не посмел явиться сюда в ваше отсутствие.

Посторонившись, Анна указала на дверь спальни:

– Можете забрать чемодан.

Он возразил:

– Будет лучше, если вы принесете его сюда.

– Пожалуй, вы правы. – Она скрылась в спальне и через минуту вернулась.

Домрацкий забрал у нее чемодан, шагнул в сторону двери, но вдруг обернулся:

– Спасибо!

– Пожалуйста. – Стерхова протянула руку.

Ответив рукопожатием, он предложил:

– А знаете что? Давайте вместе позавтракаем. Нет, кроме шуток!

– По-моему, неплохая мысль, но мне некогда, я собираюсь на работу.

– Тогда давайте поужинаем вечером, а потом поедем в

театр. В Энске дают «Братьев Карамазовых» в постановке тиктокера.

– Вот уж избавьте!

– Неужели не интересно?

– Думаю, ваш тиктокер – пациент психо-неврологического диспансера. Иначе бы он не взялся за Достоевского. Или же проходимец, который делает деньги на дураках.

Домрацкий расхохотался:

– Ну а если этот проходимец искренен в своих начинаниях?

– Это еще хуже. Лучше быть дураком, чем искренним конъюнктурщиком.

– Вот вы какая! С размаху, не церемонясь!

– А почему бы не размахнуться? – Стерхова тоже рассмеялась, и стало ясно, что она кокетничает.

– Значит, никуда со мной не пойдете... – резюмировал Домрацкий. – Тогда, в качестве отступного, позвольте отвезти вас в отдел.

Нисколько не церемонясь, Анна указала рукой на дверь:

– Ждите меня в машине. Я скоро спущусь.

С Домрацким Стерхова простилась в коридоре следственного отдела и, когда вошла в кабинет, испытала тихую радость, природу которой сразу же поняла – там не было Шкарбун.

Она, не раздеваясь, направилась к сейфу, достала папки

и сгрузила их на стол с намерением как следует поработать. Однако вскоре ее отвлек звонок Ангелины:

– Анна, дорогая! Как вы себя чувствуете?!

Стерхова поняла, почему был задан вопрос, и ответила сдержанно:

– Со мной все в порядке.

– Но как вы попали в воду?

– Случайно. – Она еще не решила, стоит ли обсуждать это с Горской.

– Евгений Хаустов рассказал ужасные вещи...

– Про то, как я выгляжу мокрой? – рассмеялась Стерхова.

– Зря смеетесь, вода в Уруте холодная. Вы могли утонуть или простудиться. И все-таки я не понимаю...

– Не стоит вам беспокоиться.

– Но вы рассказали Жене про какого-то человека...

– Он просто шел мимо.

– Я поняла. Вы не хотите рассказывать. Ну что же, по крайней мере, теперь я знаю, что у вас все в порядке. До встречи!

Закончив разговор, Стерхова вернулась к работе. Первым в блокноте значился пункт: найти телефон свидетеля, звонившего Рябцеву.

Следующий час она занималась тем, что высматривала на полях и оборотных сторонах документов номера телефонов, записанных от руки. К исходу часа в списке значилось шесть телефонов, к двум из них прилагались имена.

Набрав первый номер, Стерхова услышала механический голос, который сообщил, что номер абонента изменился в связи с реконструкцией телефонной станции. Она прозвонила все номера и отовсюду получила тот же ответ. В конце концов обратилась в справочное. Диспетчер дала совет направить официальный запрос в урутинскую АТС. Другого способа установить новые номера абонентов не существовало.

Приняв к сведению совет и отложив его воплощение до понедельника, Анна перешла ко второму пункту – звонку Марине Савельевой.

Набрав номер и дождавшись ответа, она сразу заговорила:

– Марина? Здравствуйте! Это Стерхова.

– Что-нибудь стряслось? – Из-за постороннего шума ее голос был едва различим.

– У меня к вам несколько вопросов.

– Здесь плохо слышно...

– Вы, вероятно, заняты? Где вы находитесь?

Савельева проигнорировала оба ее вопроса.

– Можете говорить, я слушаю.

Анна восприняла это как должное и, не допуская заминки, уведомила:

– Пожалуйста, соберитесь и отвечайте на вопросы как можно четче.

– Излишне предупреждать.

– Простите...

– Не тратьте силы на извинения.

– Какого типа ремни безопасности были установлены в вашем автомобиле? – спросила Стерхова.

Чуть помолчав, Марина проронила:

– Не поняла вопроса...

– Бывают инерционные, когда излишек длины автоматически подбирается и в случае столкновения они прижимают тело к сиденью. А бывают такие, которые нужно регулировать вручную. В прошлый наш разговор вы упомянули, что машина была старая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.